

ДУХОВНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

УДК 82-1/-9; 272

<https://elibrary.ru/kwyhfy>

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «102 ДНЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЮРЬМЕ ЗА РЕШЁТКОЙ» СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА СЕРГИЯ ЛАВРОВА

Священник Дмитрий Валерьевич Сычев
магистр теологии, настоятель
Петропавловского храма города Тамбова
392022, г. Тамбов, ул. Лермонтовская, д. 136
E-mail: ier.dmitriy@yandex.ru

Для цитирования: Сычев Д. В., священник. Жанрово-стилистические особенности произведения «102 дня в политической тюрьме за решёткой» священномученика Сергия Лаврова. DOI: 10.51216/2687-072X_2025_3_212–234. EDN: KWYHFY // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2025. № 3 (32). С. 212–234.

Аннотация

Статья посвящена анализу труда одного из представителей духовенства Тамбовской епархии первой половины XX века, настоятеля Петропавловского храма города Тамбова протоиерея Сергия Лаврова, который за принадлежность к «Тихоновской патриаршей Церкви» и сопротивление произволу советской власти в отношении Русской Православной Церкви в 1920-х годах претерпел несколько кратковременных тюремных заключений в исправительных учреждениях города Тамбова. В одном из них будущий священномученик имел возможность вести дневник, записи из которого дошли до наших дней.

Исследуемый текст, озаглавленный самим священнослужителем «102 дня в политической тюрьме за решеткой» с подзаголовком «Дневник арестанта», представляет интерес не только как исторический памятник, но и как художественное произведение, отражающее внутренний мир автора и его отношение к происходящим с ним событиям. Читатель становится свидетелем незаурядных художественных способностей автора, который до описанных событий принимал активное участие в жизни епархии в ка-

честве депутата епархиальных и окружных съездов, а затем и председателя Епархиального управления.

В данной статье автор определяет род и жанр произведения, его стилистические особенности, выделяет лексические пласты и анализирует их роль в общей канве текста, а также рассматривает некоторые художественные приемы, которые протоиерей Сергей использует для погружения читателя в описываемые события с целью дать оценку своей противоречивой эпохе. Методология исследования базируется на филологических и социолингвистических принципах.

В исследовании анализируется использование средств художественного, официально-делового, разговорного, церковно-религиозного стилей, которые автор текста, священномученик, комбинирует для достижения поставленной задачи.

Ключевые слова: священномученик Сергей Лавров; дневник арестанта; жанрово-стилистический анализ; «обновление» Русской Церкви; Петропавловский храм города Тамбова.

Введение

В 2025 году исполняется 100 лет со времени написания настоятелем Петропавловской церкви города Тамбова протоиереем Сергием Лавровым произведения под названием «102 дня в политической тюрьме за решеткой». Этот текст, дошедший до наших дней с подзаголовком «Дневник арестанта», охватывает период с 19 августа по 1 сентября 1925 года, с момента обыска и ареста его автора и последующие несколько дней заключения. Записи в «Дневнике» датированы 19, 20 и 24–31 числами августа и 1 сентября, – это всего лишь 11 дней, содержащих пропуски, обусловленные потерями в оригинале. Однако данный текст, при своей локальной отрывочности, дает ощущение целостного повествования, позволяя читателю почувствовать себя наблюдателем описанных событий¹.

Актуальность исследования данного текста обусловлена интересом в церковной среде к наследию новомучеников и исповедников Церкви Русской [Феодосий (Васнев), 2025а, с. 62; Феодосий (Васнев), 2025b, с. 67]. Сегодня в научном поле есть четкое понимание значимости «сохранения памяти о новомучениках и исповед-

¹ При дальнейшем цитировании произведения орфография и пунктуация первоисточника сохранена. – *прим. авт.*

никах XX века и изучения их наследия как части культурного наследия страны и родного края» [Пигорева, Семенова, 2021, с. 69]. Особую значимость данная тема приобретает в связи со 100-летием преставления святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, ставшего символом стойкости и непоколебимости в условиях жестоких гонений. Кроме того, дневниковые записи протоиерея Сергия Лаврова, который был канонизирован в 2003 году на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви как священномученик, представляют интерес не только как памятник событий революции, но и как литературное произведение, поскольку в них наблюдается комбинация черт художественной, публицистической и мемуарной литературы. Это обусловлено высокими творческими способностями автора и уровнем его образованности, что поднимает авторитет всего дореволюционного духовенства в глазах читателя.

Цель исследования – выявить жанровое и стилистическое своеобразие названного произведения.

Методы исследования: текстологический и типологический методы легли в основу работы, так как благодаря им была описана специфика жанра произведения; историко-биографический метод был использован при соотнесении событий в дневнике с жизнеописанием; лингвостилистический метод использован в комплексном анализе языковых средств выразительности и их роли в создании смысла и воздействия на читателя; лексико-семантический метод помог установить значение авторских слов, используемых в определенном социально-историческом контексте.

Особенности жанра произведения

Труд протоиерея Сергия Лаврова «102 дня в политической тюрьме за решеткой» представляет интерес с позиции разных аспектов: исторического, социально-политического, литературного. Например, с исторической точки зрения «Дневник арестанта» (далее – «Дневник») свидетельствует о взаимоотношениях представителей советской власти и Русской Православной Церкви 1920-х годов, деятельности обновленцев на тамбовской земле, известных лицах региона и за его пределами, географических особенностях города Тамбова. Социально-политический аспект дает представление

об особенностях становления советского государства и общества, положении духовенства в данный период. В статье делается акцент на жанрово-стилистической стороне данного текста. «Дневник» представляет собой целое литературное произведение с сюжетной линией, в котором сам автор является главным героем, с интересным замыслом, который воплощается на бумаге благодаря незаурядным языковым способностям «арестанта». При первом прочтении может показаться, что автор «Дневника» использует различные лексические, синтаксические и стилистические средства выразительности лишь для подробного описания обстоятельств ареста и заключения, особенностей своих сокамерников и их взаимоотношений. Но при ближайшем рассмотрении становится ясно, что жанр, стилистика и средства выразительности выбраны автором именно для осмысления своей эпохи, а также для оценки того драматического положения, в котором он оказался.

Текст является повествованием с элементами описания. Сам автор определяет свое произведение как дневник. Однако характер текста претендует на художественное произведение – автор пытается осмыслить свое положение на более высоком, нежели бытовом, уровне – художественно-философском. Отец Сергей понимает важность своего положения и, как нам кажется, делает целенаправленную попытку сформировать в современной ему литературе образ служителя Церкви, столкнувшегося с гонениями за веру Христову, – образ священномученика.

Исходя из направленности текста, его можно охарактеризовать как эпическое произведение: автор «сообщает о событиях и их подробностях как о чём-то прошедшем и вспоминаемом, попутно прибегая к описаниям обстановки действия и облика персонажей, а иногда – к рассуждениям» (Хализев, 2017, с. 418). Автор стремится объективно изобразить действительность, повествуя о событиях, судьбе арестантов, их поступках и поведении. Вместе с тем в общей повествовательной структуре произведения встречаются описательные отступления, что соответствует литературному роду эпоса. Так, например, в записи от 20 августа отец Сергей подробно передает характеристики каждого из 10 сокамерников 21 «политической» камеры, сообщая их фамилии, имена и отчества, возраст, национальность, профессию, особенности характера, поведения и внешности, сколько времени находится в тюрьме и за что обвиня-

ется (Лавров, 1925, с. 5–6). Позднее, 25 августа, встречаем описание здания тюрьмы, которую «о. протоиерей» стал рассматривать «от нечего делать» (Лавров, 1925, с. 8), и расположение в нем камер, а также «Распорядок дня заключенного», висевший в камерах, и «деление заключенных на три разряда» (Лавров, 1925, с. 9) в соответствии с арестантской книжкой. А из записи 26 августа узнаем об особенностях быта и распорядка в камере, например об обязанностях дежурного (Лавров, 1925, с. 10). Таким образом, наблюдательность автора дает нам полноту представления об условиях, в которых он оказался, и людях, с которыми по независящим от него причинам ему пришлось иметь общение.

Говоря о жанре рассматриваемого произведения, отметим, что и по размеру, и по насыщенности событиями оно является повестью, которая, «как правило, тяготеет к хроникальному сюжету, не осложнённого параллельными линиями и сосредоточенному вокруг главного персонажа; охватывает сравнительно небольшой период времени; нередко характеризуется преобладанием описательности (пейзажи, душевные состояния и др.)» (Повесть, 2014, с. 496). Действительно, в тексте происходят события, объединенные одной сюжетной линией (арест и ожидание допроса), присутствует ограниченный круг действующих лиц (чуть более десятка – в основном сокамерники и сотрудники тюрьмы), персонажи и события детально проработаны. И хотя «отец протоиерей» задумал описать все «102 дня в политической тюрьме за решеткой», как это видно по названию, текст, обрывающийся на записи от 1 сентября, на 14-м дне заключения², оставляет впечатление целостного произведения, отвечающего предмету своего жанра.

Необходимо обратить внимание на то, что сам автор в подзаголовке к своему труду заявляет жанр дневника. Однако перед нами не просто хронология событий личного характера. Известно, что дневник как «ежедневные или периодические записи автора, излагающие события его личной жизни на фоне событий современной ему действительности» обычно является «первичной и в известном смысле наиболее примитивной формой мемуарной литературы» (Мемуарная литература, 2025). Примеры классических «Дневников» Николая II, советской писательницы М. Шагинян и др.

² Если учесть, что описание 21, 22 и 23 августа отсутствует, то с 19 августа по 1 сентября получается 14 дней. – *прим. авт.*

хорошо известны и демонстрируют лаконичность записей. В исследуемом труде дневниковые записи совсем не лаконичны, они демонстрируют обилие средств языковой выразительности и оценочной лексики. Это делается автором с расчетом на будущего читателя, иначе все его художественные усилия были бы лишены смысла. В нашем случае мемуары о Сергия Лаврова больше похожи на воспоминания или записки – это «более сложная и частая форма мемуарной литературы. Здесь автор получает возможность перспективного взгляда назад, охвата большего промежутка времени и анализа его событий под углом зрения определенной идейной концепции» (Мемуарная литература, 2025). «Историческое самоосознание личности – одно из коренных, природообразующих составляющих мемуаристики. Оно проявляет себя и в иных формах духовного творчества, но именно в мемуаристике реализуется с наибольшей последовательностью и полнотой. В этом и состоит её социально-культурная функция» [Мажарина, 2014, с. 3]. Стоит заметить, что и на сегодняшний день, с точки зрения исследователей, «дневник остается “пограничным” жанром, которому присущи некая “двойственность”, жанровая неопределенность» [Салханова, Утебекова, 2020, с. 370]. Наконец, сочетание в одном произведении таких литературных жанров, как дневник и повесть, придает ему особый оттенок и притягивает внимание к тексту, что, по всей видимости, и являлось частью авторского замысла.

В «Дневнике» автор сообщает о себе некоторые автобиографические сведения. Мы узнаем из первых строк, что на момент ареста он являлся настоятелем Петропавловского храма города Тамбова. Тюремное заключение для него было уже не первым: 20 августа отец Сергей размышлял, что «прежде в епархиалке, ахлябинке, монастырке о. протоиерей сиживал по 10–12 дней. Какой срок будет теперь?» (Лавров, 1925, с. 5). В сносках он разъяснил местоположение этих топонимов и годы заключений: бывшее Епархиальное женское училище (1918), артиллерийский склад в Ахлебиновской роцце (1918) и здание Духовной консистории на территории Казанского мужского монастыря (1923)³. Из записи от 27 августа становится понятно, что в отсутствие отца Сергия богослужения в храме продолжаются, значит, приход был многоклирным: автор переживал накануне праздника

³ Из записи следует, что Епархиальное женское училище в 1918 году, а Духовная консистория в 1923 году были превращены в тюрьмы. – *прим. авт.*

Успения, «как проходит там всенощная, как ведет себя скандальный диакон по отношению к священникам, кто служил и прочие интересующие его вопросы» (Лавров, 1925, с. 12). Сообщение этих сведений, а также подробностей о сокамерниках, позволяет оценить высокий уровень достоверности всего текста, что является важным условием при изучении наследия новомучеников Российских.

В то же время произведение не ограничивается только повествованием и описанием. Автор дает попутную оценку событиям, и в этом он стремится быть объективным именно как представитель традиционного, консервативного духовенства, принадлежащего «Тихоновской» Церкви. Данное утверждение об оценочном характере произведения наглядно иллюстрирует вводная часть, представленная одним длинным абзацем, где автор перед началом повествования произошедших с ним 19 августа 1925 года событий знакомит читателя с обстановкой в церковной жизни города. Автор называет свое имя, фамилию, сан и должность и говорит о себе в третьем лице (как и в течение всего повествования). Для описания драматичности и стремительности событий отец Сергей дает следующую характеристику: «Церковная жизнь в Тамбове столь запуталась, что ни день, то новые сюрпризы» (Лавров, 1925, с. 1). Автор имеет в виду неоднократные попытки захвата храмов Тамбова представителями советской власти при содействии «живцов»⁴ и милиции. Эти попытки он оценивает как «насильственные» и неправомерные, осуществленные «вопреки существованию конституции (пункт 4, 12) и декрета о свободе совести» (Лавров, 1925, с. 1). Теперь «за оказание сопротивления сильным мира сего, в отнятии убогой кладбищенской церкви» (Лавров, 1925, с. 1) в июле 1925 года, имея в виду храм, настоятелем которого он являлся, отец Сергей «ждет ареста и посадки в тюрьму за свою невольную принадлежность к Тихоновской патриаршей церкви» (Лавров, 1925, с. 1). После составления на него следователем по церковным делам Буданцевым протокола о преступлениях, «о которых он ни сном ни духом не ведал» (Лавров, 1925, с. 1), а особенно после ареста в том же месяце священнослужителя Пятницкой церкви города Тамбова, автор «Дневника», очевидно, стал «тревожиться за свое благополучие» (Лавров, 1925, с. 1). Свое беспокойство на этот счет автор описывает в форме мыслей после пробуждения от сна перед

⁴ «Живая Церковь» – одна из основных групп обновленчества.

литургией в праздник Преображения Господня. Интересно, что для передачи своих переживаний по поводу собственного ареста автор встраивает в текст цитату из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина «что день грядущий готовит»⁵ (Лавров, 1925, с. 1) и из Евангелия «когда же сие будет?» (ср.: Мф. 24, 3 «рцы нам, когда сия будут?»). Завершается вводная часть объяснением того обстоятельства, что переживание автора усиливается из-за необходимости сказать проповедь с тем условием, что отец Сергей «“издетски” был заика и только в спокойном настроении говорил хорошо» (Лавров, 1925, с. 1) (ср.: Мк. 9, 21 «И вопросы отца его: колико лет есть, отнележе сие бысть ему? Он же рече: *издетска*»).

Последующее повествование состоит из подробного описания событий, следующих друг за другом, и их попутной оценки художественными средствами. Каждый день, описанный в «Дневнике», подчиняется последовательному хронометражу: утро, события в продолжение дня, отход ко сну. Определившись с жанром и структурой произведения, обратимся к его стилистике.

Стилистическое многообразие произведения

При знакомстве с «Дневником» с первых строк складывается впечатление, что перед нами рассказ человека, который одарен литературным талантом. Косвенно данное ощущение подтверждается тем, что отец Сергей являлся автором десятка публикаций в журнале «Тамбовские епархиальные ведомости», датируемых 1902–1916 годами. Исследуемый нами текст изобилует средствами языковой выразительности. «Дневник арестанта» написан в художественном стиле: он передает мысли и чувства автора, воздействует на воображение и чувства читателя, в нем использован богатый набор лексики, отличающейся образностью и эмоциональностью. Текст изобилует пословицами и фразеологизмами, иронией и юмором, эпитетами и сравнениями. В «Дневнике» встречается множество интертекстуальных отсылок разных видов – эпиграфов, цитат, аллюзий – как на Священное Писание, так и на литературные произведения. Но текст не ограничивается строго художественным стилем, что будет показано далее.

⁵ Ср.: «Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит, В глубокой мгле таится он. Нет нужды; прав судьбы закон...» (Пушкин, 2025).

Особую роль в формировании стилистики данного произведения играет разнообразие лексики. Для создания особой атмосферы описываемой эпохи автор умело комбинирует лексику разных видов: общеупотребительную, правовую, социально-политическую, тюремную, разговорную, церковную, книжную. Рассмотрим поближе набор лексем каждого вида и попробуем определить их роль в общей канве произведения.

Лексика, связанная с арестом и заключением, включает три пласта. Она акцентирует внимание читателя на основной сюжетной линии.

1. Правовая (юридическая) лексика выражена следующим рядом слов и словосочетаний: *милиция, отделение, протокол, допрос, понятия, Уголовный Кодекс, Исправительно-Трудовой Кодекс, мера пресечения, обыск, арест, арестованный, следователь, обвинитель, обвинение, следственные материалы*. Лексемы данной группы используются автором для описания процесса, где он является подозреваемым, а представители силовых структур выступают обвинителями.

2. Социально-политическая лексика выражена рядом лексем: *милиционер, власть, конституция, классовый враг, декрет, Советская власть, партия, террор, политика, комсомолец, контрреволюция, революция, агитационная пропаганда, служитель культа, коммунист, диктатура пролетариата*. Лексемы данной группы автор использует для описания социально-политической реальности своего времени, осмысления исторического контекста собственной жизни как части общего исторического процесса эпохи.

3. Тюремная лексика в тексте выражена следующими словами: *надзиратель, шпион-доносчик, камера, фискальство, фальшивомонетчик, перебежчик, экономический саботаж, кража, «засыпался», кооператор, дезертирство, этапным порядком, пересыльная тюрьма, арестантская книжка, судебно-следственные органы, передача, «припаять» статью, запугивание, проверка*. Данный набор слов автор использует для описания судьбы своих сокамерников и в отношении себя как арестанта.

Часть из приведенных лексем выполняют роль информирования читателя о содержании официальных документов и речи представителей милиции, демонстрируя таким образом применение в тексте *официально-делового стиля*. Наиболее ярко этот функциональ-

ный стиль проявлен в тексте протокола, который был составлен двумя сотрудниками милиции – Шараповым и Ежовым – по итогам обыска в доме протоиерея 19 августа: «...произведен тщательный обыск во всех помещениях, занимаемых гр. Лавровым, в результате которого в незапертых ящиках письменных столов и шкапах между книг обнаружено было целая кипа всевозможнейших бумаг, как частного, так и церковного характера в виде прошений, расписок и проч., среди которых переписки политического характера не было обнаружено» (Лавров, 1925, с. 2). Обращение старшего милиционера Шарапова к о. Сергию по дороге в отделение милиции также носит официальный характер: «...ваше поведение требовало составления протокола на ваши действия, но принимая во внимание ваши года, положение, этого тов. Ежовым не было сделано» (Лавров, 1925, с. 2). Итогом действий милиции стало зафиксированное в документе обвинение по 73 статье Уголовного кодекса «за измышление и распространение ложных слухов, дискредитирующих Советскую власть» (Лавров, 1925, с. 3). Данные места показывают характерные признаки стиля: использование официальных обращений (тов. Ежов, гр. Лавров), сказуемых, выраженных кратким причастием в страдательном залоге (обыск произведен, переписки не обнаружено, поведение требовало), канцеляризм (принимая во внимание, счет производится), которые делают язык «казенным», невыразительным, безэмоциональным. Этот прием используется и самим арестантом-рассказчиком для того, чтобы снизить градус эмоциональности в описании событий, которые он переживал довольно болезненно: «...два молодых человека в форме милиции безцеремонно хозяйничали в помещении. Они производили тщательный обыск...», в результате чего «нервы нравственно истерзанного хозяина не выдержали и он с плачем удалился в соседнюю комнату» (Лавров, 1925, с. 2). Таким образом, официально-деловой стиль применяется автором для формирования у читателя представления о том, какими складывались отношения у него с представителями советской власти.

В качестве отдельной подгруппы обозначенной нами лексики можно выделить *тюремные жаргонизмы*, которые активно используются арестантами и которые автор зачастую берет в кавычки, подразумевая их особую акцентирующую роль в контексте своего произведения. Их мы приведем с кратким разъяснением значения:

- *наседка* – так называли «шпионов-доносчиков», которых «подсаживали» «обычно в каждую камеру по политическим соображениям» (Лавров, 1925, с. 5);

- *гулянка* – ежедневная прогулка, «которая обыкновенно продолжается один час» утром или вечером и которая «происходила между каменной тюремной стеной и зданием тюрьмы» (Лавров, 1925, с. 6);

- *шпана* – автор разъясняет значение этого слова в сноске: «низший сорт уголовных преступников, отбросы общества, воры и разбойники» (Лавров, 1925, с. 7);

- *параша* – так «назывался круглый железный бак больше аршина вышиной и четверть три в диаметре ширины. В них обыкновенно производятся арестантами естественные отправления...» Автор замечает, что «эта тюремная прелесть утром перед чаепитием выносились, а за полчаса до обеда снова приносилась и при появлении ее довольные арестанты ласково каламбурили: “а, Прасковья Федоровна приехала”, значит до обеда недалеко» (Лавров, 1925, с. 10);

- *волчек* – «Так называлось отверстие в двери, предназначенное для наблюдения, похожее на нынешние “глазки” в дверях городских квартир. Впрочем, “глазок” – это “волчок” наоборот: через первое смотрят наружу, через последнее – вовнутрь» [Далан, 2003, с. 35];

- *околодок* – «тюремная амбулатория», которую неоднократно посещал автор, потому что «страдает нервными болезнями и геммороем» (Лавров, с. 11);

- *расход* – по объяснению автора, «арестант, по каким-либо причинам отсутствующий из общего обеда по возвращению в камеру через надзор получает отдельный обед, на языке заключенных называемый расходом» (Лавров, 1925, с. 13);

- *дичь* – вши, от которых страдали заключенные.

Помимо названной лексики, автор как представитель духовенства широко использует *церковно-религиозную лексику*, которая представлена достаточно объемно. По смысловому признаку ее можно разделить на следующие группы:

- общецерковные понятия (*церковь, монастырь, церковный, кафедральный, патриарший, кладбище, приход, прихожане, богомольцы, апостольский, христианский, проповедь, паства*);

- чины церковной иерархии (*батюшка, диакон, священник, настоятель, протоиерей, протоиерейский, псаломщик, дьячок,*

церковный староста, ключарь, духовенство, епископ, архиепископ, митрополит, владыка);

- *церковно-административные учреждения (епархия, Епархиальное Управление, Духовная Консистория, епархиальный съезд, духовное училище, семинария, двадцатка, архиерейский дом);*

- *имена собственные (Господь, псалмопевец Давид, протопоп Авакум, Тихоновский, Введенский, Никольский, Петропавловский);*

- *церковные праздники (престольный праздник, Преображение Господне, Пасха, Великая Суббота, Успенье Божией Матери);*

- *литургические термины, церковная атрибутика (Иерусалимская служба, всенощная, обедница, обедня, Таинства, Причащение, чин, умиленные церковные песнопения, церковный обиход, погребение распятого Христа, плащаница);*

- *церковно-социальные понятия (обновление церкви, поп, «живая» церковь, пионер обновления, тихоновец, обновленец, старая вера);*

- *обиходная церковная лексика (пастырский, покойный, божеский, совесть, страдать, гонение, молиться, родительское благословение, старец, воля Божья, погребен, поминовение, духовно-нравственные нужды, каяться, духовный, еретический, мученичество, мучения);*

- *выражения высокого стиля, устойчивые выражения (Всемогущий Творец, смиренный владыка, непоколебимая твердость духа, рай на земле, благоденственное житие, благодать Христова, собратья во Христе).*

Разнообразие приведенной нами лексики показывает, что религиозная лексика неоднородна. На примере данной выборки можно продемонстрировать различные подходы к ее классификации, предлагаемые современными исследователями религиозных текстов. Например, И. В. Бугаева для определения степени отношения лексемы к религиозной сфере предлагает термин *агиосема* – это «сема, относящаяся к ментальной категории святости» [Бугаева, 2025, с. 212]. Для его иллюстрации предлагается сравнение двух значений слова «храм»: в значении «церковь» агиосема будет присутствовать, а в значении «храм науки» – отсутствовать. Данный подход позволяет выделить в нашем тексте следующие группы лексики с семантикой святости:

- *лексемы с постоянным религиозным значением (Господь, церковь, богомольцы, епархия, всенощная, семинария, епископ, говение);*

- религиозная лексика, значение которой может меняться в нерелигиозном контексте (*владыка, старец, мученик*);
- общеупотребительная лексика, в переносном смысле приобретающая нравственно-религиозное значение (например, *сердце* – в переносном значении *душа*: «На сердце было легко, но досадно за человеческое достоинство» (Лавров, 1925, с. 3));
- словосочетания, одна часть которых относится к религиозной тематической группе, а вторая – к другим группам (*пионер обновления* – в значении первопроходец в деле «обновления» Церкви; *рай на земле*).

Также церковно-религиозный стиль ярко выражен в аллюзиях на Священное Писание. Например, при знакомстве читателя со своими сокамерниками отец Сергей пишет: «имена обитателей 21 камеры суть следующие» – здесь повторяется форма евангельского стиха, знакомящего нас с избранными Христом учениками (ср.: Мф. 10, 2 «Двенадцати же апостолов имена суть сии»). Или, например, когда надежды некоторых заключенных на скорое освобождение не оправдались, один из них остроумно заметил, что «много в тюрьму входящих, но мало выходящих» (ср.: Лк. 14, 24 «много званых, но мало избранных»). Этот прием активно используется автором и демонстрирует его глубокую погруженность в религиозный дискурс.

Интересной стилистической особенностью произведения является повествование отца Сергия о самом себе от 3-го лица. В русской литературе известны мемуары, написанные в такой нарративной стратегии, например «Записки» Г. Р. Державина. В разных местах текста автор называет себя: *о. протоиерей, о. Лавров, батюшка, настоятель*, в контексте ареста – *обыскиваемый, виновник ареста, арестант, классовый враг*; о ситуациях вокруг себя – *к счастью протоиерейскому, одна из протоиерейских мыслей, на протоиерейское благо, протоиерейский дневник уцелел*. Данная манера упоминания о себе может говорить как о попытке посмотреть на свое положение со стороны, так и о проявлении смирения автора, принимающего свое положение как волю Божию. Кстати говоря, в тексте упоминание о самом дневнике, который писал «о. протоиерей» в свободное время, встречается дважды, что указывает на то, что он для автора представлял большую ценность.

Особое влияние на стиль произведения оказывает употребление слов и словосочетаний в нормах 1920-х годов, которые демонстрируют влияние на язык дореволюционной эпохи.

- Устаревшие формы слов и выражения: *в шкапах, гардероп, отдельные, большия, действо, измышление, устныя, надобно, придти, посредине, с нея, ретировался, нумер, о летах; пред* вместо *перед*, *против* вместо *напротив*, *обыкновенно* вместо *обычно*; *безсонница* и *безсрочно* (но *бесполезно*); *единым почерком пера*, *мысль циркулировалась*, *дверь растворяется*, *человеческое отношение*, *конвойной №17 команды*.

- Слова и выражения книжного стиля: *неволя, темница, привратник, собрат, приснопамятный, архиплут, сиживал* (просторечное); *надлежит сказать проповедь* (архаически книжной и канцелярски-официальной окраски); *на первых порах своего водворения* в тюрьму (библеизм); *кипа всевозможнейших бумаг* (высокий стиль); *с позволения товарищей* (с разрешения по снисхождению).

- Латинские выражения (варваризмы): *pediculami* (ср. лат. *pediculus* – «вши»); *omnia mea nescit porto* (ср. *omnia mea nescit porto*, с лат. – «все свое ношу с собой»); *persona magna* (с лат. – «великая персона»). Эти выражения, по всей видимости, были известны автору с семинарской скамьи.

- Сокращение имени и отчества: *Емельянов Пет. Вас., Грабовский Стан. Ник., Кальновский Казим. Леопольд*.

На примере сочетания в исследуемом тексте устаревших и книжных слов и выражений с более современной лексикой можно увидеть, как отразилась реформа русского языка, проведенная советской властью с целью «отрезать» будущие поколения от «царского книжного наследия», на поколении людей, родившихся и воспитанных во времена Российской империи.

Разговорный стиль представлен в диалогах, которые отличаются смысловой емкостью, красочностью, экспрессивностью, содержат неполные предложения, частицы, междометия. Приведем в качестве примера диалог Лаврова с начальником милиции И. А. Фесенко: «...на приветствие: “Здравствуйте”, ответил радостно: “а здравствуйте”» <...> «*вот* видите, надобно подчиняться» (Лавров, 1925, с. 3). Или беседа Лаврова с сокамерником о. Павлом Бобровым «“Как живут”, спрашивал он, “теперь мои жена и дети”. О. протоиерей успокаивал: “не без добрых душ на свете”» (Лавров, 1925, с. 12) – в ответе использовано неполное предложение. Свобода в выборе языковых средств в устной речи «арестантов» контрастирует с необходимостью отбора языковых средств в местах с художественной стилистикой,

что лишний раз подчеркивает задумку автора написать произведение, притягивающее внимание будущих читателей.

Публицистический стиль также представлен в «Дневнике». Как известно, этот функциональный стиль своей целью имеет воздействие на мнение аудитории, формирование определенного отношения у читателя к социальным, политическим и иным явлениям. Основным инструментом публициста – призыв, убеждение с использованием системы аргументации, обращение к чувствам адресата. Так, в заключительной части «Дневника» находим описание политического спора между автором и заключенным Е-вым на предмет того, что «в протоиерейском сознании не укладывается понятие “диктатуры пролетариата” и цели его назначения он не понимает. Ведь это, по его представлению, владычество одного класса над другим, естественно и неизбежно оно вызывает ненависть и порождает борьбу» (Лавров, 1925, с. 20). Основным аргументом отца Сергия – необходимость для справедливого мироустройства сознания человечеством «важности и всеобщности христианских начал братства и любви» (Лавров, 1925, с. 20), а не насилия. Противник его «со своей стороны доказывал необходимость и неизбежность диктатуры. По его мнению, сначала надобно все классы общества подчинить пролетариату и когда все подчинится и сольются воедино, тогда и будет хорошо жить всем и только тогда будет равенство, братство и любовь» (Лавров, 1925, с. 20). Данный отрывок публицистичен не только потому, что «спор принял большой размер, и камера с большим вниманием его слушала» (присутствие публики), но и ввиду наличия в речи оппонентов эмоциональности, призывности, стремления к логичности.

Говоря о собственно *художественном стиле* как основном в произведении, отметим, что анализу используемых автором приемов можно посвятить отдельное исследование. Приведем в качестве примера средства языковой выразительности использование автором приема иронии. Одной из целей написания дневника являлось придание огласке событий, участником и очевидцем которых явился протоиерей Сергей Лавров, проговаривание пережитых страданий и несправедливости, с которыми он столкнулся, что помогало ему самому выжить в тех условиях, не озлобиться. Для достижения этой цели автор прибегает к иронии («смешное под маской серьезности» [Пинский, 1987, с. 161]) и юмору («серьезное под маской смешного»

[Пинский, 1987, с. 161]) как способу снять психологическое напряжение, выйти из когнитивного диссонанса, не сойти с ума.

Цель использования иронии – разоблачение пороков и противоречий современного общества. Так, описывая обыск, который проводили у него в доме два представителя милиции 19 августа, отец Сергей иронично, в гоголевском стиле, замечает, что «обыск они проводили с усердием, *достойного лучшего применения*» (Лавров, 1925, с. 2). Этим он хочет подчеркнуть бессмысленность предпринятых ими усилий, потому что в результате обыска ничего компрометирующего не найдено, о чем в протоколе и было написано: «...переписки политического характера не обнаружено» (Лавров, 1925, с. 2). Но, несмотря на это, обыскиваемый был сопровожден в «комендантскую» ГПУ, а затем в тюрьму на улице Козловской для дальнейшего допроса. По дороге в тюрьму отцу Сергию встретился диакон Петропавловского храма «бойкий на все шутки Сажин», который, «увидев своего настоятеля с постелью при вооруженном солдате в недоумении остановился и представил гоголевскую немую картину» (Лавров, 1925, с. 3), очевидно, из «Ревизора». Здесь вместо сочувствия своего собрата во Христе отец Сергей сталкивается с насмешкой, и этот эпизод принимает ироничный характер, потому что арестант в эти минуты переживал свое непростое положение: «...на сердце было легко, но досадно за человеческое достоинство, за то, что при видимо существующей на бумаге свободе, о которой везде и всюду печатается, человек представляется вещью, предметом, которым помыкают по своему желанию» (Лавров, 1925, с. 3).

В описании событий в самой тюрьме отец Сергей также прибегает к иронии. Своих соседей по «политической» камере он называет ироничным фразеологизмом «товарищи по несчастью» (Фразеологический словарь..., 2008, с. 684), которым стремится подчеркнуть, что в прежних социально-политических условиях мало кто из них оказался бы за решеткой.

Свое заселение в камеру отец Сергей с иронией называет «водворением» (библейзм)⁶, как бы намекая на несоответствие своего священного сана занимаемому среди преступников месту. Также прием иронии автор строит на стилистическом многообразии, когда описывает спор сокамерников насчет очередности занимаемых коек: «Снова

⁶ Ср.: Притч. 21, 16: «Человек, сбившийся с пути разума, водворится в собрании мертвецов».

раздор, который кончился благополучно благодаря добровольной уступки койки Щеколкиным Иванову и первый *благородно с нея ретировался. Иванов преспокойно на ней обосновался*» (Лавров, 1925, с. 9). На этот раз противоречие разрешается благополучно.

Еще одним интересным случаем использования приема иронии является эпизод в «Дневнике», где в разговоре с представителем ГПУ о состоянии дел в Тамбовской епархии одного из священнослужителей, прот. А. Г. Ермолаева, «неумелого реформатора Тамбовской церкви, который единым почерком пера увольнял духовенство без суда и следствия», автор называет «пионером обновления». Для священника советского времени слово «пионер» носило негативную коннотацию, а в сочетании с термином «обновление Церкви» оно подчеркивало неодобрительную оценку этого явления. В данном контексте это выражение имеет ругательный смысл и является не просто метафорой, а иронией, отражающей противоречивость деятельности таких людей, которые стали первопроходцами в этой неисследованной области, приведшей к расколу внутри Церкви.

Заключение

Таким образом, анализ данного произведения показывает важность и необходимость исследования духовного наследия новомучеников и исповедников Церкви Русской, которое является в том числе культурным достоянием страны. Современными исследователями предлагаются такие методы сохранения памяти о мучениках XX века, как опора на достоверные источники при изучении их подвига, создание нарратива для присутствия этой темы в СМИ и учебных изданиях, формирование концепта «мест памяти» (в том числе в контексте методологического подхода *memory studies*⁷) [Козлов, 2025, с. 82] жертв политических репрессий из числа верующих и духовенства [Пигорева, 2021, с. 70]. Таким достоверным источником является исследуемый в данной статье текст, в котором самим автором в качестве «мест памяти» обозначены места его тюремного заключения, а факты соответствуют архивным

⁷ *Memory studies* – это междисциплинарное исследовательское поле, изучающее коллективную и культурную память, а также способы, которыми прошлое конструируется, сохраняется и используется в настоящем. Оно включает в себя изучение практик коммеморации, влияния образов прошлого на формирование идентичности, работу «институтов памяти», дебаты о прошлом и методы его репрезентации в различных медиа (Сафронова, 2018).

данным. Приведенный нами жанрово-стилистический и лексико-семантический анализ позволяет показать, что представители духовенства, прошедшие свое становление в царскую эпоху, были людьми талантливыми и хорошо образованными. Вместе с тем в условиях гонений они являли силу духа, остались преданными традиционному Православию, сохранили веру Христову до конца. Явление исповедничества в Русской Православной Церкви является феноменом, который имеет огромный педагогический потенциал для воспитания подрастающего поколения на принципах нравственности, в реализации которого может помочь материал данного исследования.

Перспективным направлением в дальнейшем развитии данного исследования является изучение публикаций протоиерея Сергия Лаврова в «Тамбовских епархиальных ведомостях» 1902–1916 годов на предмет развития авторского стиля. Также видится интересным выявление критериев для сопоставления «Дневника арестанта» священномученика Сергия Лаврова с трудами на тему тюремного заключения новомучеников и исповедников Российских (свт. Лука Крымский) и авторов XIX и XX веков (Ф. М. Достоевский и А. И. Солженицын).

Список источников

1. *Лавров С., прот.* 102 дня в политической тюрьме за решеткой : (дневник арестанта, 1925) : [рукопись] // Архив Тамбовской епархии (АТЕ).
2. Мемуарная литература // Литературная энциклопедия : сайт. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3022/Мемуарная (дата обращения: 21.06.2025).
3. *Пинский Л. Е.* Комическое // Литературный энциклопедический словарь / под общ. редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Москва : Советская энциклопедия, 1987. С. 161–162.
4. Повесть // Большая Российская энциклопедия : в 35 т. Москва : Большая Российская энциклопедия, 2014. Т. 26. С. 496.
5. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Лингвострановедческий словарь. Россия : сайт. URL: https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/?title=Медиатека:Евгений_Онегин._Глава_шестая,_строфы_XII,_XV,_XX—XXIII (дата обращения: 28.06.2025).
6. *Сафронова Ю. А.* Memory studies как исследовательское поле. 2018. URL: https://eupress.ru/uploads/files/H-190_pages.pdf (дата обращения: 21.06.2025).

7. Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва : Астрель : АСТ, 2008. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 21.06.2025).

8. Хализев В. Е. Эпос // Большая Российская энциклопедия : в 35 т. Москва : Большая Российская энциклопедия, 2017. Т. 35. С. 418–419.

Список литературы

1. Бугаева И. В. Агиосема как компонент семантической структуры религиозной лексики. DOI: 10.51216/2687-072X_2025_1_202. EDN: RDDWVR // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2025. № 1 (30). С. 202–221.

2. Феодосий (Васнев С. И.), митр. Административная деятельность священномученика Кирилла (Смирнова) в Тамбовской епархии с 1911 по 1916 год. DOI: 10.51216/2687-072X_2025_2_62-79. EDN: MIZWYG // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2025а. № 2 (31). С. 62–79.

3. Феодосий (Васнев С. И.), митр. Служение церкви и Отечеству: деятельность святителя Кирилла (Смирнова) в условиях Первой мировой войны : (по материалам «Тамбовских епархиальных ведомостей» 1914–1915 гг.). DOI: 10.51216/2687-072X_2025_1_67-84. EDN: WHACKB // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2025b. № 1 (30). С. 67–84.

4. Далан (Яковлев Василий Семенович). Жизнь и судьба моя : Роман-эссе. Якутск : Бичик, 2003. 334 с. : портр. URL: <https://vgulage.name/books/dalan-jakovlev-v-s-zhizn-i-sudba-moja/> (дата обращения: 21.06.2025).

5. Козлов К. В. Монастыри Тамбовской епархии – памятники чудесного спасения царской семьи 17 октября 1888 г.: «места почитания» как «места памяти». DOI: 10.51216/2687-072X_2025_2_80-101. EDN: PVCILU // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2025. № 2 (31). С. 80–101.

6. Мажарина Ю. Н. Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева : (особенности поэтики) : специальность 10.01.10 «Журналистика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2014. 22 с.

7. Пигорева О. В., Семенова С. М. Сохранение культурного наследия как средство формирования исторической памяти в современной России : (на примере жизни и подвига новомучеников) // Восемнадцатые Дамьяновские чтения «Русская Православная церковь и общество в истории России и Курского края» : материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, проводимой в рамках XVII Международных научно-образовательных Знаменских чтений. Курск, 2021. С. 69–76.

8. Салханова Ж. Х., Утебекова А. С. Дневник как литературный жанр // Неофилология. 2020. № 22. С. 368–376.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025.

Статья поступила после рецензирования 08.07.2025.

Статья принята к публикации 18.07.2025.

UDC 82-1/-9; 272

GENRE AND STYLISTIC FEATURES OF THE 102 DAYS IN POLITICAL PRISON BEHIND BARS BY HOLY MARTYR SERGIUS LAVROV

Dmitry Sychev, Priest

Master of Theology

Rector of the Peter and Paul Church in
Tambov

392022, Tambov, Lermontovskaya Street, 136

E-mail: ier.dmitriy@yandex.ru

For citation: Sychev D. V., priest Genre and stylistic features of the *102 Days in Political Prison Behind Bars* by holy martyr Sergius Lavrov DOI: 10.51216/2687-072X_2025_3_212–234. EDN: KWYHFY // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2025, no. 3 (32). p. 212–234. (In Russian)

Abstract

The article is devoted to the analysis of the work of one of the representatives of the clergy of the Tambov diocese of the first half of the 20th century, the rector of Peter and Paul Church in Tambov, Archpriest Sergiy Lavrov, who suffered several short-term imprisonments in correctional institutions of the city of Tambov for belonging to the “Tikhon Patriarchal Church” and resisting the tyranny of the Soviet government in relation to the Russian Orthodox Church in the 1920s. In one of them, the future holy martyr had the opportunity to keep a diary, the entries from which have survived to this day.

The text under study, entitled by the clergyman himself *102 Days in a Political Prison Behind Bars* with the subtitle *Diary of a Prisoner*, is of interest not only as a historical monument, but also as a work of art reflecting the inner world of the author and his attitude to the events happening to him. The reader becomes a witness of the extraordinary artistic abilities of the author,

who before the events described took an active part in the life of the diocese as a deputy of diocesan and district congresses, and then the chairman of the Diocesan Administration.

In this article, the author defines the type and genre of the writing, its stylistic features, highlights lexical layers and analyzes their role in the general outline of the text, and also considers some artistic techniques that Archpriest Sergius uses to immerse the reader in the described events in order to assess his controversial era. The methodology of the study is based on philological and sociolinguistic principles.

The study analyzes the use of artistic, official-business, colloquial, church-religious styles, which the author of the text, the holy martyr, combines to achieve the set task.

Keywords: Holy Martyr Sergius Lavrov; diary of a prisoner; genre and stylistic analysis; “renewal” of the Russian Church; Peter and Paul Cathedral in Tambov.

Sources

1. Lavrov S., Archpriest 102 dnya v politicheskoi tyur'me za reshetkoi (dnevnik arestanta, 1925) [102 Days in a Political Prison Behind Bars: (Diary of a Prisoner, 1925)] *Arkhiv Tambovskoi eparkhii* [Archives of the Tambov Diocese]. (In Russian).

2. Memuarnaya literatura [Memoir literature]. *Sait Literaturnaya entsiklopediya* [Literary Encyclopedia Website]. (In Russian). Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3022/МЕмуарная (accessed: 21.06.2025).

3. Pinsky L. E. Komicheskoe [Comic]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1987, pp. 161–162. (In Russian).

4. Povest' [The Tale]. *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia Publ., 2014, vol. 26, p. 496. (In Russian).

5. Pushkin A. S. Evgenii Onegin [Eugene Onegin]. *Sait Lingvostranovedcheskii slovar'. Rossiya* [Lingvocultural Dictionary. Russia. Website]. (In Russian). Available at: https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/?title=MediaLibrary:Evgeniy_Onegin._Glava_shestaya,_strophes_XII,_XV,_XX—XXIII (accessed: 28.06.2025).

6. Safronova Yu. A. Memory studies kak issledovatel'skoe pole [Memory studies as a research field]. 2018. (In Russian). Available at: https://eupress.ru/uploads/files/H-190_pages.pdf (accessed: 21.06.2025).

7. Frazеологический словарь русского литературного языка [Phraseologi-

cal dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2008. (In Russian). Available at: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (accessed: 21.06.2025).

8. Khalizev V. E. Epos [Epos]. *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia Publ., 2017, vol. 35, pp. 418–419. (In Russian).

References

1. Bugaeva I. V. Agiosema kak component semanticheskoi struktury religioznoi leksiki [Agiosema as a component of the semantic structure of religious vocabulary]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2025, no. 1 (30), pp. 202–221. (In Russian). DOI: 10.51216/2687-072X_2025_1_202. EDN: RDDWVR.

2. Feodosy (Vasnev S. I.), Metropolitan Administrativnaya deyatel'nost' svyashchennomuchenika Kirilla (Smirnova) v Tambovskoi eparkhii s 1911 po 1916 god [Administrative activities of the Holy Martyr Kirill (Smitnov) in the Tambov diocese from 1911 to 1916]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2025a, no. 2 (31), pp. 62–79. (In Russian). DOI: 10.51216/2687-072X_2025_2_62-79. EDN: MIZWYG.

3. Feodosy (Vasnev S. I.), Metropolitan Sluzhenie Tserkvi i Otechestvu: deyatel'nost' svyatitelya Kirilla (Smirnova) v usloviyakh Pervoi mirovoi voyny (po materialam “Tambovskikh eparkhial'nykh vedomostei” 1914–1915 gg. [Serving the Church and the Fatherland: the activities of St. Kirill (Smirnov) during World War I (based on materials of the *Tambov Diocesan Gazette* 1914–1915)]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2025b, no. 1 (30), pp. 67–84. (In Russian). DOI: 10.51216/2687-072X_2025_1_67-84. EDN: WHACKB.

4. Dalan (Yakovlev Vasily Semenovich) Zhizn' i sud'ba moya [My life and fate]. Yakutsk, Bichik Publ., 2003, 334 p. (In Russian). Available at: <https://vgulage.name/books/dalan-jakovlev-v-s-zhizn-i-sudba-moja/> (accessed: 21.06.2025).

5. Kozlov K. V. Monastyri Tambovskoi eparkhii – pamyatniki chudesnogo spaseniya tsarskoi sem'i 17 oktyabrya 1888 g.: “mesta pochitaniya” kak “mesta pamyati” [Monasteries of the Tambov Diocese – monuments to the miraculous salvation of the Tsar's family on October 17, 1888: “Places of worship” as “Places of memory”. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2025, no. 2 (31), pp. 80–101. (In Russian). DOI: 10.51216/2687-072X_2025_2_80-101. EDN: PVCILU.

6. Mazharina Yu. N. *Memuarnye portretnye ocherki B. K. Zaitseva (osobnosti poetiki). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Memoir portrait essays by B. K. Zaitsev (features of poetics). Cand. filol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2014, 22 p. (In Russian).

7. Pigoreva O. V., Semenova S. M. Sokhranenie kul'turnogo naslediya kak sredstvo formirovaniya istoricheskoi pamyati v sovremennoi Rossii (na primere zhizni i podviga novomuchennikov [Preservation of cultural heritage as a means of forming historical memory in modern Russia: (based on the life and feat of new martyrs)]. *Materialy Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, provodimoi v ramkakh XVII Mezhdunarodnykh nauchno-obrazovatel'nykh Znamenskikh chtenii. Vosemnadtsatye Damianovskie chteniya "Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i obshchestvo v istorii Rossii i Kurskogo kraia"* [Proceedings of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference Held within the Framework of the 17th International Scientific and Educational Znamensky Readings. The Eighteenth Damianovsky Readings "The Russian Orthodox Church and society in the history of Russia and Kursk region"]. Kursk, 2021, pp. 69–76. (In Russian).

8. Salkhanova Zh. Kh., Utebekova A. S. Dnevnik kak leteraturnyi zhanr [Diary as a literary genre]. *Neofilologiya* [Neofilologiya]. 2020, no. 22, pp. 368–376. (In Russian).

Received 26 June 2025.

Reviewed 08 July 2025.

Accepted for press 18 July 2025.